

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

КЛЕЩИ

На базе геологической практики в поселке Импилахти у студентов наступил законный выходной. День выдался солнечный и безветренный, поэтому студентки вытащили на улицу матрасы и в купальниках разлеглись загорать на территории базы.

Автобус оказался в моем распоряжении, и я собрался в дальний геологический маршрут на диабазовую дайку, прорывающую граниты рапакиви. Дайкой называется линзовидное геологическое тело, образовавшееся при застывании магматического расплава в вертикальной трещине в каких либо горных породах. По составу дайки бывают разные – гранитные, базальтовые и даже кимберлитовые с алмазами. Обычно длина дайки от нескольких метров до километра.

Для меня изучение этой дайки было связано со многими приключениями, которые, как оказалось, вовсе не закончились. Все началось более десяти лет назад, когда эту дайку нашла геолог Уксинской геологической партии Дина Васильевна Михайлова. Поздней осенью в камералке она показала мне удивительные образцы, и я сразу загорелся желанием немедленно посетить это обнажение, но как назло выпал ранний снег. Я даже хотел,

вопреки здравому смыслу, отправится на ее изучение в одиночку на лыжах, и разработал план двухдневного маршрута, но, в конце концов, по ряду обстоятельств, пришлось отложить эту затею до весны.

Дина Васильевна рассказала, что найти дайку чрезвычайно просто – на берегу небольшой ламбины (на финском языке окончания названий всех маленьких озер – лампы, а местные жители называют их ламбушками) в крутом скальном обрыве красновато-бурые граниты рапакиви пересекаются отчетливо видимой черной полосой четырех метров шириной – выход пород базальтовой дайки. На двухсоттысячной топографической карте геологиня карандашом обвела крошечное не более миллиметра озеро, на берегу которого находилась дайка. Правда, я тогда не обратил внимания, что в районе ламбины расположено еще несколько озер такого же размера. Это озеро находилось в верхнем течении реки Уксуныйоки в нескольких километрах к северу от шоссе моста на дороге Питкяранта–Петрозаводск.

Дайка была примечательна тем, что в момент внедрения базальтовой магмы по вертикальной трещине (это случилось на глубине нескольких километров) сами граниты еще не застыли окончательно, и, поэтому, произошло смешение двух расплавов разного химического состава. А меня очень интересовало – что происходит с минералами гранитов – кварцем и полевым шпатом, когда они попадают в высокотемпературную – нагретую свыше тысяч градусов, базальтовую магму. Я даже наметил несколько научных экспериментов

Всю зиму я строил планы маршрута на дайку. Ранней весной, когда мы выехали на практику со студентами кафедры геологии месторождений полезных ископае-

мых и встали палаточным лагерем на берегу Ладожского озера, я выпросил у руководителя практики одного очень толкового студента и автобус на полдня.

В маршрут мы взяли надувную резиновую лодку в надежде порыбачить на этой ламбине и наловить рыбы на добрую уху. Кроме того, на обратном пути планировалось выйти с образцами к реке Уксуньки и сплавится на лодке вниз по течению до моста, где нас должен был ждать автобус.

Тогда двенадцать лет назад во время первого посещения этой дайки я был инфицирован клещевым боррелиозом и в пупке у меня сидел иксодовый клещ – его разносчик. Клеща я подцепил еще в мае месяце в первом маршруте в Кондопожском районе Карелии. На животе вокруг пупка образовалось роскошное красное пятно с бледными concentрическими кольцами – эритема. Я подумал, что просто натер живот пряжкой офицерского ремня. В пупок было не заглянуть, но пальцем прощупывался какой-то шарик величиной с горошину. Может, просто укусила мошка, а может, он и раньше там был – я не мог вспомнить. Болезнь была в разгаре, меня ломало и лихорадило, но не остановило от посещения заветной дайки.

Автобус долго плелся по совершенно разбитой грунтовой дороге и у моста через порожистую Уксуньки мы высадились. Маршрут по азимуту всегда короче, но и труднее. Не хотелось идти по берегу реки, которая петляла и была завалена сгнившим лесом, оставшимся от молевого сплава. Я пользовался спортивным жидкостным компасом для ориентирования на местности, работать с которым было гораздо удобнее, чем с геологическим. Легкий пластиковый прямоугольник компаса

висел на шнурке на шее и позволял чаще контролировать азимут хода, даже не останавливаясь. Я взял азимут на озеро с дайкой. Студент Алексей тащил двадцатикилограммовую лодку, а я нес палатку, спальные мешки и продукты. Четыре километра до озера дались тяжело. Мы переходили болота, ручьи, старые вырубки, заросшие сплошным березняком и ельником. Но вышли точно к южному берегу озера. Мысленно я себе аплодировал, и зря. Все было так, как описывала геологиня. На восточном обрывистом берегу маленькой ламбины виднелись крутые скалы, сложенные коричневатыми гранитами рапакиви. Я ожидал сразу увидеть дайку и немного растерялся, не обнаружив ее на указанном месте. Несколько раз обошел озеро, залезал на скалы, но дайки не нашел.

Оставив вещи у скалы, мы сделали несколько широтных маршрутов и посетили две мелкие ламбины к востоку. Они были похожи на нашу, как две капли воды. Но и там дайки не нашли. Я был в полном тупике и не знал что делать.

– Все, ставим лагерь, – объявил я, когда мы вернулись к вещам у первой ламбины.

Быстро поставили мою самодельную палатку из парашютного шелка и залезли в нее, спасаясь от полчищ мошки и комаров. Разводить костер, и готовить обед было неохота. Закусили консервами, и запили холодным чаем.

– Завтра с утра пораньше пойдем искать дайку, а сейчас спать, – скомандовал я.

Студент разделся и залез в спальный мешок. Но мне в спальном мешке было жарко, и я лег сверху. Сильно чесалось это красное пятно на животе.

– Алексей, возьми увеличительное стекло и посмотри что у меня в пупке, – попросил я студента, – какой-то шарик появился величиной с горошину. Может, это энцефалитный клещ так раздулся?

Студент осмотрел мой пупок и заявил, что клещей он никогда не видел, а эта штука похожа на коричневую родинку.

«Может действительно родинка, кто знает, как быстро они образуются, – подумал я, – это в геологии все медленно».

– Ладно, отдыхаем, – я залил в ямку пупка спирт и уснул лежа на спине.

Всю ночь мне снилось это проклятое озеро с дайкой в гранитных скалах. Проснувшись рано утром от соловьиных трелей, я машинально потрогал живот. Та странная горошина вдруг исчезла. Если это был насосавшийся крови клещ, то он должен был находится где-то рядом. Но осмотр спального мешка и пола палатки ничего не дал.

«Черт с ним с клещом, – подумал я, и вновь принялся изучать топографическую карту. – И где может быть это озеро с дайкой?»

Не было ни каких сомнений, что мы находимся именно на том озере, которое Дина Васильевна обвела небрежным кружком, только дайки не было.

Видимо мой геологический Бог – Пенти Салми Рапакиви за что-то на меня разгневался и не хотел допустить к тайнам образования гранитов рапакиви. Я вспомнил, что не сходил к нему на ритуальное поклонение и не принес ежегодную традиционную жертву – набить трубку табаком и налить в бутылку немного водки. Вот тогда удача ходила бы за мной по пятам. А так старик

рассердился и показывал свой характер. Я мысленно пообещал Пенти, что сразу же по возвращении из маршрута схожу к его логову и принесу ему жертву. И он как будто услышал мои обещания и смиловался. При рассмотрении карты в лупу я вдруг заметил, что карандашной линией кружка зачеркнуто крошечное озерко размером около миллиметра в длину и полмиллиметра в ширину. Карандашная линия прошла точно по озеру, и поэтому я его сразу не заметил. Быть может, Дина Васильевна ошиблась и обвела другое озеро? Ламбушка, зачеркнутая карандашом, находилась менее чем в километре к северо-западу.

Я разбудил студента, мы позавтракали всухомятку и направились к озеру. Оно было точной копией нашего, но только среди гранитных скал обнажалась роскошная дайка. Все было, как и рассказывала Дина Васильевна. А с местоположением озера на карте она просто ошиблась. Несколько часов я с упоением изучал обнажение. Действительно, в темно-серой базальтовой массе сверкали кристаллы кварца и овоиды калиевого полевого шпата гранитов рапакиви. Картина для геолога-петролога невероятная – минералы гранитов в базальте. По своей абсурдности такая гибридная порода была сопоставима разве что со «смесью бульдога с носорогом». Но природе было угодно создать такое чудо и мне предстояло его изучить. Это было настоящее счастье исследователя. Права была Мария Кюри, когда говорила: «наука – это великая красота!»

Я еще раз мысленно пообещал Пенти Салми Рапакиви удвоить порцию водки в жертвоприношении, сразу по возвращении из маршрута. Тем более, что через неделю мне предстоял еще один тяжелый маршрут с шес-

тидесятикилометровым сплавом вниз по течению реки Тулемайоки. Там, по наводке той же Дины Васильевны, в среднем течении реки находилась дайка уникальных орбикулярных гранитов. Иначе их называют шаровые граниты.

Закончился маршрут тривиально. Я, как всегда, набрал кучу образцов, так что пешим ходом, нам было не дотащить их до дороги. Мы вынесли пробы и образцы к реке Уксуньёки, надули резиновую лодку, погрузились и начали сплав. Алексей греб, а я блаженствовал как пассажир, да еще поймал на спиннинг три небольшие щуки. У моста через реку, до прихода автобуса, сварили роскошную двойную уху, остатками которой и накормили водителя.

И только потом в больнице имени Боткина в инфекционном отделении, куда, после возвращения из экспедиции, меня на «скорой помощи» доставили с диагнозом «клещевой бореллиоз», я понял, что тогда в палатке из меня вылезла клещиха, напившаяся моей крови. Потом она, конечно, народила не меньше тысячи маленьких клещей. Так что этот район оказался зараженным бореллиозными клещами, выросшими на моей крови – так сказать моими «кровными детками».

Из первого маршрута я привез много образцов и мои научные гипотезы полностью оправдались. По результатам исследований я сделал доклад на международном симпозиуме в Соединенных штатах Америки.

И вот, спустя двенадцать лет, меня снова потянуло посетить эту дайку. Появилась цифровая фото-техника, и захотелось сфотографировать породы дайки.

За эти годы в сторону Петрозаводска проложили «голубую дорогу» – широкое асфальтовое шоссе, по ко-

торому до реки Уксуньеки можно было долететь на нашем автобусе всего за час.

В маршрут со мной поехал Степан Аксюткин – молодой специалист, только что окончивший Университет с красным дипломом. А я был научным руководителем его дипломной работы. На этой практике Степан был уже в роли преподавателя и помогал мне проводить экскурсии у студентов биологов. Степан взял на практику хороший цифровой фотоаппарат, и я надеялся сделать снимки дайки. Кроме того, у нас был карманный персональный компьютер КПК и к нему прибор спутниковой навигации – GPS. О таком снаряжении несколько лет тому назад мы не могли и мечтать. На монитор КПК выводилось изображение топографической карты, и появлялась точка нашего местоположения. Но топографическая карта была тридцатилетней давности и новая дорога на ней, естественно, не была обозначена. Поэтому было важно знать координаты нового шоссейного моста через реку Уксуньеки, чтобы взять точный азимут на озеро и дайку.

До моста мы доехали быстро. Мотор автобуса ровно гудел на прямой как стрела трассе. Шофер отправился рыбачить на реку, а я сразу включил КПК. На дисплее появилось изображение части топографической карты в районе старого моста. Маленькая суперсовременная, похожая на закрытую мыльницу электронная «джипиэска», должна была без проводов автоматически соединиться с карманным компьютером на радиочастоте и показать на карте наше местоположение. Но связи между КПК и «джипиэской» не было.

Степан полчаса возился с приборами, а потом заявил, что работать они не будут, так как сели аккумуляторы.

– Почему ты их не зарядил? – вспыхнул я.

– Я поставил их на зарядку, но ночью вернулся с гулянки Дима Вийде, вытащил из розетки зарядное устройство и поставил на зарядку свой мобильный телефон.

«Эта даяка просто заколдованная, – с раздражением подумал я, – обязательно появляются какие-то препятствия. И сегодня наверняка будет еще не одно».

Ох, как я угадал!

Идти маршрутом по азимуту оказалось невозможно, и я проклинал себя за то, что, понадеявшись на современную электронику, не захватил ветхую топографическую карту. Пришлось восстанавливать в памяти маршрут десятилетней давности. Теперь следовало подниматься вверх по течению реки Уксуньеки, затем по ее левому притоку Куреноя.

Дорогу перегораживали многочисленные стволы осин, заваленных в воду запасливыми бобрами. Берег они изрыли многочисленными норами, в которые нога проваливалась неожиданно и сразу по пах. Степан с сочувствие слушал мои душераздирающие вопли после каждого падения.

Мы считали шаги, чтобы знать пройденное расстояние. Когда дошли до устья левого притока, то увидели ручеек шириной ровно в один шаг. Как мне помнилось, в прошлый раз левый приток был вполне приличной речкой, и на карте даже имел собственное название Куреноя. Мы пошли вверх по течению левого притока. В некоторых местах ручей вообще пропадал под торфяниками, так что я засомневался, правильно ли мы идем. Наверняка бобры перекрыли ручей запрудой выше по

течению и устроили себе искусственное озеро, а в нижнем течении ручей почти иссяк.

Наконец, мы вышли к дайке. Все тут было, как и двенадцать лет назад, даже кучка оставленных мной образцов, которые я не смог вынести в первый раз, лежала под скалой. Но результаты маршрута никак не стоили затраченных усилий и последующих приключений. Основная цель – сделать хорошие фотографии обнажения и горных пород не была достигнута. Там где я раньше как ковер задрал на скалах мох, камни покрылись лишайниками и сделали нераспознаваемыми детали строения гибридных пород. День выдался солнечный и ветреный, отчего деревья отбрасывали на камни дрожащие тени. Оказывается все, что так четко видно человеческим глазом на экране цифровой камеры выглядело как хаос теней и солнечных бликов, никакие минералы были не различимы.

Обратно мы шли по азимуту строго на юг, пересекая заболоченные ручьи, холмы и заросшие ольшаником распадки. В некоторых местах через подлесок приходилось проламываться как в джунглях. Вышли на шоссе неподалеку от моста через реку. На обочине стоял наш автобус. Шофер сидел на берегу и печально рассматривал две части, которые раньше были моим спиннингом.

– Он сломался, – извиняющимся тоном сообщил он.

Я небрежно махнул рукой, так как все равно купил этот спиннинг специально в подарок водителю в благодарность за хорошую работу.

Надо было сразу снять энцефалитку, и осмотреться на предмет клещей, но водитель отвлек меня извинениями, и рассказами как сломался спиннинг. Мы сели в автобус и поехали домой.

Степан позвонил по мобильнику на базу и узнал, что студенты биологи топят баню. По пути мы купили в поселковом магазине пива, чтобы поддавать в бане на камни. Директор базы Миша Карвонен принес два золотистых копченых леща – рябинника сказочное блюдо.

В бане перед парилкой мы осмотрелись на предмет энцефалитных клещей. И хотя свет от крошечного запотевшего окна был слабый, я не обнаружил на Степане ни одного клеща. Он осмотрел меня и заявил, что все в порядке. Пар был отличный и я отхлестался двумя березовыми вениками с ветками можжевельника так, что кожа покрылась красными пятнами.

После пятнадцати километров тяжелого маршрута и парной бани навалилась усталость. Студентки биологи напоили нас горячим чаем из душистых трав. Глаза слипались, и я отправился в свою комнату с целью поспать часа два. Выспаться, как следует, еще ни разу не удалось. К вечеру студенты активизировались, выползли из дома и собирались у кострища в центре базы. И хотя по распорядку дня они должны были ложиться спать в одиннадцать часов, я разрешал им сидеть до полуночи. Кто в молодости может спать в такие белые ночи, когда многотысячные стаи перелетных птиц наполняют воздух призывным криком, а соловьи в мокрых от росы кустах заходятся любовными трелями до самого восхода солнца. Если на базе более пятидесяти студентов, то вечно у кого-то случится день рождения. По крайней мере, они всегда меня об это предупреждали и приглашали посидеть с ними у костра. Но где-то к полуночи активизировались местные ребята, уже прилично разогретые водкой и пивом и поэтому осмелевшие. Ну, как можно запретить молодым общаться? Они сбе-

гут вечером в лес или на озеро и там окажутся вне сферы моего контроля. Пускай нарушают, но у меня на глазах. Я назначал старшего и строго наказывал студентам не орать песни на весь поселок, не хохотать, будто у кого-то случилась истерика, и не распивать с местными ребятами алкоголь, иначе я сразу прекращу эти посиделки.

Но преподавателю терять бдительность в такое время никак нельзя и приходилось не спать, пока молодежь не утихомирится.

Накрывшись одеялом и уже засыпая, я машинально ощупал рукой грудь и вдруг обнаружил под левым соском какой-то прыщик.

«Клещ!» – в ужасе завопил внутренний голос.

Я уже лет двадцать не делал прививки против клещевого энцефалита. Раньше прививки были обязательны и без них сотрудников университета не пускали в экспедиции, но потом из-за бюрократических проволочек при оформлении экспедиционных приказов и мизерности полевого экспедиционного довольствия, все постепенно перешли на командировки, которые можно было оформить за один день. И, конечно, не требовалось справок о прививках.

Перед зеркалом, осветив грудь фонарем, я удостоверился, что под левым соском действительно сидит клещ, который уже начал сосать кровь. Вокруг него образовалось красное пятно трех сантиметров в диаметре. Не было сомнения, что клещ был заражен боррелиозом и, возможно, он один из потомков той клещихи, которая выползла из моего пупка двенадцать лет назад. При внимательном осмотре я обнаружил подмышкой еще одного клеща и красное пятно вокруг него. На шее тоже

было красное пятно, и виднелась крошечная ранка от укуса клеща, которого я, вероятно, сбил веником, когда парился в бане.

В камералке преподаватель орнитолог Игорь Яновский читал лекцию студентам геологам. Я дождался перерыва, вызвал его в коридор и он при помощи петли вытащил клещей. Степан, чувствуя себя виноватым, извинялся и уверял, что никогда не видел клещей и поэтому не заметил их при осмотре в бане. Вот уже действительно Судьба, подхватить сразу три боррелиозных клеща! Никак не хотелось снова попасть в боткинскую больницу. Надо было срочно делать вакцинацию гаммаглобулина, который создает временный пассивный иммунитет против инфекционных заболеваний.

Клещи были расфасованы в пакетики и надписаны. Я снова лег в постель и попытался заснуть. И тут вдруг почувствовал в правом ухе какое-то шевеление. Еще один клещ! Да что же это такое?

Достать клеща не было никакой возможности, и я устроил ему «красивую смерть», залив ушной канал водкой. Клещ в стадии «имаго» не выдержал такой химической атаки и быстро отцепился. Он был помещен в третий пакетик.

Утром я еще раз вытряс на улице энцефалитку, вывернул ее наизнанку и тщательно осмотрел швы. В одном месте в складке шва сидел пятый клещ и терпеливо дожидался своего часа. Но ему не повезло.

– Раздавил бы тебя, если б только не знал, что мы с тобой одной крови, – сообщил я клещу, – но и отпустить тебя в поселке на волю такого заразного совести не позволяет. Придется тебе принять «красивую смерть», как и твоему братцу в ухе, извини.

При осмотре перед зеркалом обнаружилось, что эритемы – красные пятна на коже вокруг мест укусов клещей увеличились. Это был первый и типичный признак боррелиоза или болезни Лайма.

На базе студенты потихоньку выползали к умывальникам. Степан с Димой Виде ходили по комнатам и тормошили еще не проснувшихся ребят. Наша повариха Анна Федоровна уже приготовила завтрак. Накануне в нее тоже впился клещ, но никакого красного пятна вокруг ранки не было. Не осталось сомнения, что меня укусили сразу четыре, зараженных боррелиозом клеща. И черт меня дернул посетить это обнажение. Теперь надо было срочно ехать в больницу делать вакцинацию гаммаглобулина.

На сегодня у меня был намечен обзорный маршрут со студентами биологами, и мы должны были ехать мимо больницы, но кто знает, как долго я там пробуду и смогу ли потом идти в длинный маршрут по лесу. У второго преподавателя профессора Валерия Сергеевича Нахабцева болела нога, и он не мог меня подменить.

Пришлось выбрать другой маршрут и отправить на первое самостоятельное занятие Степана Аксюткина. Для молодого преподавателя это будет хорошая педагогическая практика.

Степан прекрасно знал объект, так как писал по нему дипломную работу, и у него был с собой экземпляр его диплома. Я сообщил Степану о принятом решении и отослал его готовиться к маршруту.

После завтрака, когда студенты уже собирались у автобуса, ко мне подошла студента дневного отделения.

– Анатолий Михайлович, у меня плохая новость. Мне нужно срочно уехать домой в Нижневартовск.

– А как же зачет?

– Учебу мне, возможно, придется бросить.

– Что случилось? Еще вчера вечером у костра ты хохотала так, будто тебя щекотали сразу несколько парней. Я даже собрался выйти и сделать тебе замечание.

– Вы говорили, что студенты обязаны сообщать начальнику практики обо всех проблемах или происшествиях. Так вот, сегодня утром я узнала, что беременна!

– Поздравляю.

– Да, но для меня это полная неожиданность.

– Как это, разве месяц назад у тебя не было интимной близости с мужем или с этим, как его, с грейпфрутом.

– Анатолий Михайлович, Вы же еще не старый, не грейпфрут, а бойфренд, – догадалась студентка, – но у меня нет ни мужа, ни любовника, – смутилась она.

– Ты что же, намекаешь на факт непорочного зачатия? Ну, тогда, поздравь своих родителей и сообщи им, чтобы они приготовились ко второму пришествию Христа.

– Вы меня не так поняли.

– Неужели есть другие варианты? – опешил я.

– Стыдно рассказывать, но первый раз в жизни в общезнании на дне рождения меня так напоили, что я отключилась, а когда проснулась, то почему-то оказалась в кровати совершенно голая. Я еще тогда заподозрила нехорошее.

– Может это подружки тебя раздели?

– Рядом лежали мужские трусы, – всхлипнула студентка, возможно уже и не девица.

– Да, ангел свои трусы не оставил бы, – посочувствовал я, – а какого размера были трусы, не заметила?

– И сегодня утром, девчонки сказали, что по всем признакам я беременна, – студентка зарыдала и уткнулась лицом в мое плечо, будто, я ее любовник.

Меня даже кольнуло в сердце от жалости и подумалось: «И любовь не познала, и проблему на всю жизнь получила».

– Ну, успокойся, – есть способы...

– Нет, только я одна во всем виновата, а ребенок должен жить! Вы себе не представляете, какой дома будет грандиозный скандал, а мне родителям даже правду не рассказать, – студентка опять зарыдала.

– Не реви, на нас смотрят ребята.

В этот момент из дома на крыльцо вышли студенты геологи, и, заметив меня в обнимку с девицей, понимающе переглянулись.

– А кто отец ребенка, ты не догадываешься?

– Быть может, это кто-то из мужчин, присутствующих на этой практике.

– Тогда можно узнать методом исключения: меня ты подозреваешь?

– Что вы. Конечно, нет.

– Видишь, подозреваемых стало меньше на одного человека.

Студентка снова хотела кинуться с рыданиями мне на плечо, но я отстранился.

– Сейчас поедem в Питкяранту, в больнице тебя осмотрит гинеколог, там и решим, как быть.

Студенты геологи собрались в маршрут на Импилахтинский залив осваивать биоиндикационный метод с преподавателем по гидробиологии Натальей Поляковой. У крыльца их ждал местный пес Чип, который всегда сопровождал студентов во всех пеших маршрутах. С

помощью конуса ребята отбирали в заливе пробы планктона, а с помощью сита – бентос из прибрежного ила. Изучая водные сообщества: моллюсков; олигохет, личинок поденок, водяных осликов, клещей и бокоплавов, студенты оценивали качественное состояние водной среды по вычисленной степени сапробности.

А студенты биологи под моим руководством проходили эколого-геологическую практику и изучали влияние тяжелых металлов, содержащихся в горных породах и отходах горнорудного производства, на микроорганизмы и растения. И сегодня Степан вместо меня должен провести с ними исследование золошлаковых отвалов.

– Я готов, – объявил Степан, – поехали.

Все погрузились в автобус и через полчаса прибыли на место.

Объект нашего исследования – золошлаковые отвалы располагались в городе Питкяранта на месте старых плавильных печей и образовались в середине девятнадцатого века при выплавке цветных металлов – меди, цинка, свинца, олова и серебра. Отвалы занимают площадь около четырех гектар недалеко от железнодорожного вокзала на прибрежной террасе Ладожского озера и представляют собой рыхлые почво-грунты чрезвычайно опасной категории загрязнения.

Я сообщил ребятам, что сегодня практику будет проводить молодой преподаватель Степан Аксюткин и остался на полчаса проконтролировать его вводную лекцию

Степан говорил хорошо и грамотно поставил перед студентами задачи по оценке эколого-геохимической опасности золошлаковых отвалов:

– Для этого необходимо провести геохимическое опробование шлаков, почв, донных отложений у побережья Ладожского озера, а также отобрать на химический анализ мох, грибы, листья берез и бересту. Радиометристы на каждой точке должны измерить уровень гамма-активности, а геодезисты с джиписэсками определить координаты этих точек. И еще мы сегодня пробуем три скважины в теле отвала, для того чтобы установить его мощность и оценить распространение на глубину тяжелых металлов и мышьяка.

Ребята разошлись по своим участкам, а мы со студенткой поехали на автобусе в больницу.

Я почему-то был уверен, что в регистратуре будет длинная очередь, и мне суждено проторчать там пару часов, но у окошка не было ни одного человека. Но это не значило, что меня быстро обслужат. Медсестра в регистратуре беспрерывно отвечала на какие-то звонки, или звонила сама, вставала и долго копалась в картотеке. Прошло добрых полчаса, пока она обратила на меня свое внимание, с трудом оторвавшись от чтения каких-то бумаг, более важных, чем здоровье человека.

Я объяснил медсестре, что я геолог, здесь в командировке, в лесу меня укусила клещ и мне надо сделать вакцинацию гаммаглобулина. В подтверждение своих слов я продемонстрировал мертвых клещей, расфасованных в бумажные пакетики.

– Вам по месту работы должны были сделать прививку от энцефалита, – безапелляционно заявила медсестра.

«Спокойствие, только спокойствие», – остановил меня внутренний голос.

– Девушка, я пришел не за Вашим советом, а для того, чтобы мне оказали медицинскую услугу, а кто чего и

кому должен, я знаю сам. В вашем районе иксодовые клещи являются переносчиками не только энцефалита, но и боррелиоза или болезни Лайма, от которой нет прививок.

– Тогда Вам надо не в больницу, а на станцию скорой помощи.

Студентку быстро записали к врачу гинекологу, а я отправился в отделение скорой помощи.

Я рассказал дежурному фельдшеру, что меня в тайге укусили сразу четыре клеща, и мне нужна вакцинация гаммаглобулина.

– Процедура платная.

– И сколько будет стоить вакцинация?

– Это зависит от того, какой у Вас вес.

– Сто килограммов.

– Две тысячи сто рублей.

– Сикока, сикока? – от волнения у меня вдруг появился японский акцент.

– Что Вы так удивляетесь?

– Просто, все мои командировочные две тысячи рублей.

– Может быть организация оплатит Вам затраты на вакцинацию? У Вас должен быть полис обязательного медицинского страхования.

– Когда больной попросил врача вытащить у него из головы гвоздь, тот ответил: «С вашим полисом обязательного медицинского страхования мы этот гвоздь можем только загнуть».

– Учтите, гаммаглобулина у нас осталось на одну вакцинацию, – сообщила фельдшер, – так что предупредите своих студентов, что бы в лесу были осторожнее.

После лошадиной дозы гаммаглобулина было не сесть, и я ходил вокруг автобуса в ожидании студентки. Она выскочила из дверей поликлиники и вприпрыжку побежала через дорогу, весело напевая:

– Акелла промахнулся, Акелла промахнулся!

Стало ясно, что рухнули надежды христианского мира о втором пришествии мессии.

Дальнейшая судьба этой девушки сложилась удачно. Она успешно окончила университет, вышла замуж и родила двух прелестных девочек. В доказательство семейного благополучия на присланной фотографии, она в шортах возлежала на капоте роскошной красной машины, на фоне южного теплого моря. В ответном письме я пожелал ей нескончаемого семейного счастья, но не удержался и напомнил: «А если бы тогда Акелла не промахнулся, то всего этого могло и не быть!»

– Сколько стоила прививка? – поинтересовалась наша повариха Анна Федоровна.

– Все командировочные в задницу в прямом смысле этого слова. Для меня это стоило две тысячи сто рублей, а Вам выйдет дешевле.

– У меня таких денег нет, – вздохнула Анна Федоровна, – так что мне пришлось бы умереть.

После практики, я закрутился с делами и сразу не посетил Больницу имени Боткина, чтобы сдать кровь и клещей на анализ. А осенью в меня впился еще один клещ и, наконец, пришлось посетить больницу. В коридоре перед кабинетом, в котором брали кровь на анализ, к моему удивлению сидело в ожидании приема несколько человек. Среди них батюшка в рясе как раз заканчивал проповедь, пытаясь обратить укушенных в святую веру. На него тоже напал клещ прямо в храме, и

он усматривал в этом происки Дьявола. Но бабушке в жизни явно не везло, и под левым глазом у него красовался большой синяк.

«Неверующий был правшой», – дедуктивным методом определил я.

Оказалось что анализ крови на энцефалит бесплатный, а на боррелиоз надо было платить.

Когда сестра брала у меня кровь, я поинтересовался, почему осенью так много укушенных?

– В этом году осенняя вспышка клещевой активности, – объяснила медсестра, – в меня даже дома впились два клеща.

– Как это дома? – опешил я.

– Мать гуляла с собачкой в парке и та принесла на шерсти, и после прогулки запрыгнула мне на колени.

После сдачи крови я отправился к четвертому корпусу с целью посетить восемнадцатое инфекционное отделение, в котором лежал десять лет назад, передать в пятнадцатую палату сборник пьес «Укушенные», в котором описывалось мое десятидневное пребывание в этой больнице.

В вестибюле был сделан евроремонт и стоял охранник. Я разъяснил ему, что иду к заведующему восемнадцатым отделением, и он, на удивление легко, меня пропустил. Поднявшись на лифте на восьмой этаж, я заглянул в открытые двери отделения. По коридору, отбивая четкий военный шаг, шел молодой мужчина в белом халате.

– Добрый день, простите, Вы работаете на этом отделении? – спросил я.

– Да, я заведующий, а Вы новый пациент?

– Пока еще нет, только кровь сдал на анализ после укуса клеща. Но двенадцать лет назад я проходил здесь лечение по поводу клещевого бореллиоза. Ну и написал пьесу «Укушенные». Вот, один экземпляр Вам, а один передайте, пожалуйста, больным из пятнадцатой палаты, я там лежал.

– Там есть одно свободное место, – гостеприимно предложил врач, – хоть сейчас занимайте.

– Нет, спасибо, надеюсь, не придется.

И, действительно, в тот раз все обошлось.